

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

УДК 101.9

DOI: 10.21146/1606-6251-2025-3/4-5-31

Ю.М. Резник

ЗАКОНЧИЛОСЬ ЛИ ВРЕМЯ ВЕЛИКИХ ФИЛОСОФОВ В РОССИИ? К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

***Аннотация:** В статье автор не стремится провести комплексный анализ величия всех философов мира, а также предложить и обосновать собственную классификацию великих философов России. Его цель гораздо более скромная — поставить проблему и наметить пути её решения. Предмет же исследования — некоторые признаки и возможности проявления величия у философов России. Отталкиваясь от схемы, предложенной К. Ясперсом, автор предлагает уточнить предметное поле философии, чтобы чётче сформулировать критерии величия самих философов. При этом он предупреждает об опасности оказаться в плену социального конструктивизма, предлагающего искусственное деление философов на несуществующие кластеры.*

Автор рассматривает предпосылки величия (революция в мировоззрении, развитость интеллектуальных сетей, наличие развёрнутой философской системы, претендующей на универсализм, масштаб решаемых философских проблем, личные достижения и др.) и предлагает своё видение субъективных критериев оценки величия российских философов. Он намечает линии идейной транс-

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, первый вице-президент Российского философского общества (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru

* Начало статьи. Окончание статьи смотрите в следующем выпуске журнала.

формации отечественных философов, распределяя их по некоторым периодам в истории философии в России и выделяя те фигуры, которые, с его точки зрения, приближаются к величию или, напротив, величие которых является плодом воображения идеологов и социальных конструкторов.

Обращаясь к философам сегодняшней России, автор показывает, что в наше время вопрос о величии не стоит на повестке дня. Гораздо важнее, по его мнению, быть аутентичным (настоящим) философом и сохранять веру в гуманистические идеалы и ценности, пытаясь предотвратить трансформацию философии в очередной вариант тоталитарной идеологии. Далее автор выделяет тех современных философов, с которыми он был лично знаком, и которые повлияли не только на него, но и на последующее развитие российской философии.

Ключевые слова: феномен величия, великий философ, критерии величия, поколенческие цепочки философов, социальный конструктивизм, кластеры философов, философия России, русский, советский и российский философ, линии идейной трансформации и преемственности философов России, духовное производство российского общества, зависимость философа от власти, идейная зависимость отечественной философии, религиозная (христианская) ортодоксия, идеологическая ортодоксия, идейная полифония, аутентичность, аутентичный (настоящий) философ.

К теме «Философ в России» я обращался неоднократно (см. прим. 1). А ещё за двадцать пять лет издания журнала «Личность. Культура. Общество» я успел взять свыше 60 интервью у современных российских учёных (а опубликовать и того больше — примерно 75), поскольку некоторые из них выходили в журнале в двух или трёх частях. Из них только беседы с отечественными философами составили более 40 публикаций.

Большинство опубликованных интервью с отечественными философами размещено на официальном сайте Института философии РАН. Конечно, предпочтение в своих беседах я отдавал тем людям, с которыми был хорошо знаком или успел подружиться. Поэтому мой выбор кандидатов нельзя считать объективным. И всё же он отражает не только мои личные предпочтения, но и в значительной мере — реальную расстановку сил в философском сообществе

современной России. Это были яркие и самобытные философские фигуры, которые оказали влияние на развитие отечественной философии во второй половине XX в. — начале XXI в.

Но прежде, чем сделать краткий обзор о них и других значимых философских фигурах прошлого России, попытаюсь ответить на вопрос: Что значит быть великим философом и каковы критерии величия в философии?

Что значит быть великим философом (вместо введения)

Как известно, талантливое от великого отделяет совсем небольшая дистанция. Но этот шаг ещё надо сделать, совершив тем самым революционный переворот в каком-либо деле. В чём же проявляется величие философов?

Во-первых, в том, что их идеи, так или иначе, приводят к *революции в мировоззрении* многих поколений людей, которая меняет их базовые представления о мире и способствует возникновению принципиально новых идей, содержащих ответы на цивилизационные вызовы страны.

Первая революция в философии произошла в античности. Она совпадает, как известно, с переходом от мифологического мировосприятия к рациональному пониманию мира. Её предвестниками и участниками стали Пифагор, Парменид, Демокрит, Зенон, Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур и др., которым современники и потомки присвоили звание «великие философы». Основные идеи и принципы античной философии: рационализм, космоцентризм, антропоцентризм, нравственность. По сути русская философия с момента своего возникновения отталкивается именно от этих идей, формируя свои представления о Логосе, Космосе, Антропосе и Этосе.

Считается, что вторая философская революция произошла наряду с научной в эпоху Нового времени (XVII – XVIII вв.). Она сопровождалась великими научными открытиями (Галилео Галилей, Исаак Ньютон и др.), на которые стала опираться философия, предлагая и обосновывая новую картину мира. Так, в культуре, в т.ч. и в философии, наступили сначала эпоха Возрождения, а затем — эпоха Просвещения, связанные с именами новой формации великих философов, в т.ч. Р. Декарта, Б. Спинозы, Г.В. Лейбница, Дж. Локка, П. Гольбаха, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля

и др. Основные идеи и направления философии того времени: эпоха Возрождения – неоплатонизм, натурализм, субстанциализм, механистический материализм, гуманизм, секуляризм; эпоха Просвещения – опора на науку, сциентизм и эмпиризм, свобода человека и субъектоцентризм, естественное право и общественный договор, критика традиций. К этим темам обращается и русская философская мысль.

Наконец, третья революция в философии осуществлена в XIX в. – начале XX в. и была связана с возникновением таких идейных течений, как немецкая диалектика и диалектический материализм, позитивизм и идея единства всех наук, критика метафизики и экзистенциализм, и пр. Она ознаменовала собой переход от классической науки к неклассической и была связана с теорией относительности Эйнштейна, квантовой теорией, космологией, открытиями в области генетики, возникновением кибернетики и т.д.

Известно, что её причиной стал кризис мировоззренческих установок классического рационализма и развитие междисциплинарных исследований. Прежняя, старая, метафизика, соответствующая механистической картине мира, уже не подходила для объяснения новых реалий. Приходит новое поколение философов, которые разрабатывает идеи релятивизма, неорационализма, антропологического поворота в философии, плюрализма и др. Проблема их величия уже не так остро стоит перед современными мыслителями. Сюда относят представителей позитивизма и прагматизма, неокантианства и эмпириокритицизма, экзистенциализма и философии жизни.

В XIX в. русская философия, как и художественная литература, вступает в свой «золотой век». В ней проявилось всё разнообразие западной философии (неоплатонизм, неокантианство, неогегельянство, марксизм и пр.). Однако именно в этот период на сцену выходят самобытные философы (славянофилы, Н.Ф. Фёдоров, В. Соловьёв, евразийцы и др.) и гениальные литературные философы (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и др.), которые, акцентируя внимание на софийном и соборном началах в культуре России, осуществили по сути религиозно-философский Ренессанс [3, 172-219]. И всё-таки это было время философских систем, которые создавали многие отечественные философы.

Наступившая вслед за третьей революцией постнеклассическая стадия развития философии (1970-е – 1980-е гг. XX в.) характеризуется такими идеями, как акцент на ограниченном использовании методов науки и контекстуальности познания, отказ от детерминизма, стирание границ между субъектом и объектом познания, ориентация на синтез знаний, нелинейное видение мира, признание диалога, идея тотальной множественности, эклектичность культуры и мультикультурализм и пр. Методология: синергетика, универсальный эволюционизм, теория систем, междисциплинарный подход, лингвистический поворот, структурализм и пр. Однако, известных представителей теории систем (С. Оптнер, Д. Клиланд, В. Кинг и др.), как и сторонников структуралистского направления (Р. Барт, Ж. Батай, М. Бланшо, Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, Ж. Деррида, Ф. Гваттари, Ю. Кристева, Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко и др.) уже не называют великими, хотя они внесли значимый вклад в мировую философию.

Начиная с 1960-х гг., отечественные философы активно осваивают и обогащают содержание новых подходов: возникает школа системного анализа (В.Н. Садовский, В.С. Тьюхин, А.И. Уёмов, В.С. Швырёв, Э.Г. Юдин и др.), создается Институт системных исследований РАН, разрабатываются философские проблемы синергетики (С.П. Курдюмов, Н.Н. Моисеев, А.Д. Урсул, В.И. Аршинов, В.Г. Буданов и др.), образуются центры лингвистической и аналитической философии (А.В. Потебня, Ф.Ф. Фортунатов, В.С. Юрченко, Д.И. Дубровский, М.С. Козлова, А.Ф. Грязнов, Н.С. Юлина, В.В. Целищев, А.В. Бессонов, В.В. Васильев, Д.Б. Волков, А.В. Кузнецов, А.Л. Никифоров, С.М. Левин, Д.Н. Разеев, С.В. Никоненко, М.В. Лебедев и др.).

Следует ли признать постнеклассическую стадию развития философии в качестве четвёртой философской революции или её первой стадии? Проблема заключается в том, что она не отменяет неоклассическую и неклассическую формы философии, которые продолжают своё существование в настоящее время. А значит, окончательный переход к концептуальному аппарату и методологии постнеклассической философии не произошёл, что позволяет её рассматривать как промежуточный этап.

Во-вторых, великого философа отличает *оригинальное видение* действительности, выраженное в логически обоснованной

системе знаний, которая основана на восприятии мира «как ценности или как смысла» [2, 277]. И, как писал Н.А. Бердяев, в познавательном акте философ творчески преодолевает действительность и преобразует мир. А это значит, что он, проникая в тайны бытия, создает свой мир (универсальную систему).

Но главное, что отличает великого философа, — это наличие у него разветвлённой системы знаний, охватывающей большинство разделов философии (онтологии и гносеологии, натурфилософии и философии истории, этики и эстетики). Классическими примерами таких систем выступают философские учения Платона и Аристотеля, Канта и Гегеля. Отечественные философы также не избежали соблазна в создании универсальных философских систем (примеры: научно-философский реализм М.В. Ломоносова, христианская философия В.С. Соловьёва, система марксистской философии в советской России).

В-третьих, по мнению Р. Коллинза, появлению великих философов в немалой степени способствуют *интеллектуальные сети*, распространяющие их влияние как на современников, так и на последующие поколения [6]. Философы редко работают поодиночке. Обычно они объединяются в группы или социальные сети. Жизнедеятельность философских групп, как в прошлом, так и в настоящем, является недостаточно изученной страницей истории философии. Как писал Р. Коллинз, «история философии есть в значительной степени история групп» [7, 48]. Речь идёт о группах друзей, партнёров по дискуссиям, школах, тесных кружках и пр. И чаще всего в таких группах встречаются как организационные, так и интеллектуальные лидеры. Структуры групп и сетей возникли давно, в т.ч. в Древней Греции. Коллинз относит к их числу пифагорейское общество, кружок Сократа, школу Платона, школы стоиков, эпикурейцев, неоплатоников и др. Нечто подобное наблюдалось и в Китае.

Интерес представляют также и поколенческие цепочки: Фалес — Анаксимандр — Анаксимен; Парменид — Сократ — Платон — Аристотель — Теофраст; Уайтхед — Рассел — Витгенштейн; Брентано — Гуссерль — Хайдеггер — Гадамер и др. Такие же группы и цепочки поколений можно обнаружить и в российской философии. Например, в русском космизме, предвещавшем во многом продвижение человечества в космос и воссоединение

(всеединство), это: Н.Ф. Фёдоров – В.С. Соловьёв – К.Э. Циолковский – В.И. Вернадский – А.Л. Чижевский.

Сетевые структуры являются социальными проекциями самой философии. Они воспроизводят направленность и различные стороны её развития. К. Ясперс выделяет в философии следующие аспекты: исторический (эпохи и ситуации, в которых творили философы), предметный (предметы, проблемы и темы, которые находились в центре обсуждения), генетический (источки философствования, скрытые в мифах, религии, литературе и пр.), практический (то, что побуждает мыслителей обращаться к повседневным практикам), и динамический (борьба идей, расстановка сил в сообществе и смена исследовательских приоритетов) [9, 4-6]. В каждом из них проявляется тот или иной аспект деятельности философских групп и обнаруживается величие отдельных философов.

Философия – «коллективное предприятие», а не просто удел гениальных или талантливых одиночек. И, как известно, «свита делает короля» и великий философ есть в определённой степени конструкт групповой (коллективной) идентичности. Последний становится им благодаря поддержке и легитимации со стороны группы или сетевой структуры. Все свои идеи он апробирует и продвигает в своей референтной группе, прежде чем они становятся достоянием значительной части человечества. И здесь важна роль других категорий членов группы, а их не стоит рассматривать исключительно как благодатную почву для творчества великих или «научный планктон», которым они подпитываются, чтобы родить свои гениальные идеи.

С этой точки зрения, величие философов состоит в том, что они создают новое пространство мышления («площадку для философствования»), в которое вовлекаются разные поколения, дополняющие и развивающие их исходные положения. Великие не столько творят историю философии как таковую, а сколько «разбрасывают семена истины», которые при определённых (не всегда благоприятных) условиях взрастают на ниве, взращиваемой другими представителями философского сообщества. Вот почему их творчество не утрачивает своей актуальности и в наши дни.

В-четвёртых, великим философа делают, прежде всего, его *личные заслуги* перед сообществом и выдающиеся творческие

достижения, с одной стороны, а с другой, *масштаб проблем*, которые он ставит и решает. Следовательно, наряду с сетевыми структурами философов следует отметить и достиженческие критерии, определяющие «степень величия» конкретного мыслителя. Об этом как раз и размышлял К. Ясперс. «Только то, что относится к целокупности нашего существования, к мировому целому, к трансценденции, может обрести величие» [9, 14]. В этом с ним солидарен Н.А. Бердяев, утверждавший, что «философия, как и всякий творческий акт, устремлена к трансцендентному, к переходу за грани мировой данности» [2, 275].

Именно масштаб решаемой проблемы является истоком подлинного величия философа. Неслучайно Ясперс рассматривает величие как всеобщее и общезначимое в деятельности философа, ставшее действительным в конкретном историческом облике того или иного человека [9, 14-15]. Однако заниматься трансцендированием ещё не значит быть великим. Это – то, что обрывается в результате соединения личного таланта и всеобщности, превращая философию конкретного человека в сверхличный (или сверхличностный) феномен. Просветление тайн бытия и существования – важнейший признак величия философа. Именно через творчество последнее человечество прорывается к вершинам постижения мира и самопознания.

Как писал Н.А. Бердяев, «на истории философии столь же отпечатлевалась индивидуальность её творцов, как и на истории искусства» [2, 271]. К личностным предпосылкам величия К. Ясперс относит неиссякаемую жизненную энергию, духовную творческую и интеллектуальную силу, силу убеждения и индивидуальную продуктивность того или иного мыслителя. «От великих идей исходит сила, дающая нам расти нашей собственной свободой; они наполняют нас миром незримого, являющиеся облики которого они обнаруживают, язык которого они делают слышимым. Тот, кого я вижу великим, открывает мне, кто я такой» [9, 15]. При этом величие другого не мешает человеку оставаться самим собой и не умаляет его личное достоинство. Напротив, оно окрыляет его, придаёт уверенности в собственных силах.

Однако существует ещё одно личностное качество, без которого человек вряд ли сможет стать не только великим, но и философом.

Философская интуиция. В первую очередь философ не может производить новые идеи или концепты, если он не выработал в себе особое чутье — *интуицию*. У Бердяева «философия предполагает общение на почве начальных и конечных интуиций, а не срединных доказательств дискурсивной мысли» [2, 286]. Это — проникновение в запредельную сущность мира и целостная реакция духа на совокупность бытия [1, 270]. «Интуиция философского познания связана с истинно-сущим, со смыслом бытия...» [2, 273]. А это в корне противоречит природе социального конструирования, для которого сущность любого явления производна, и которое принудительным образом создаёт кластеры в философии (группы философов, объединяемых по определенным признакам), вносящие в неё систему иерархии (например, высшие, средние и низшие уровни).

А значит, философ — это человек, не просто прошедший специальную подготовку (обучение у учителя или основателя школы, учёбу в университете и т.д.) и получивший опыт профессионального общения, но регулярно осуществляющий производство и распространение новых идей о всеобщих основаниях бытия, и, что самое важное, — развивший в себе особое чутье (интуицию как «целостную реакцию духа на совокупность бытия»). Бердяев полагал, что «...наиболее подходящим местом для него будет трон, кафедра, трибуна...» [1, 3]. Однако большинство идей рождаются в кабинете, в тишине которого философ, обращаясь к своей интуиции, соприкасается с вечностью («философской вселенной»).

Таким образом, величие характеризует высшую меру самовыражения и самораскрытия потенциала философа, представившего в своём творчестве миропонимание целой эпохи. Другими словами, великими можно считать философов, вобравших в своих трудах весь опыт философствования («собранность духа») и благодаря этому оказавшихся способными проникнуть посредством интуиции в глубинные слои бытия, установив в них и между ними скрытые связи, неведомые большинству пытливых умов.

Критерии величия и опыт классификации великих философов (схема К. Ясперса). Конструктивистский соблазн. Ясперс формулирует некоторые критерии, позволяющие определить степень величия философа: внешние условия («должны сохраниться про-

изведения» или тексты с их словами, благодаря которым они, т.е. философы, оказывают воздействие на последующие поколения и расширяют мир человека), «внутренние» критерии (идеи этих философов пребывают над временем, не только «схватывают эпоху в мысли», но и касаются вечности; они метаисторичны и оригинальны в своей изначальности, что способствует их, т.е. философов, независимости и открытости), «предметные свойства наследия мыслителя» (логическая форма и характер системы знания, содействие осознанию нашего существования в его запредельном, нормативность формулируемых положений) [9, 25-29].

История философии, как и мировая история, не знает сослагательного наклонения. Но, по словам Ясперса, некоторые философские фигуры незаслуженно выпали из истории, несмотря на наличие их текстов и признание значительной части современников. Величие философов трудно оценить обычными мерками. Как правило, их не всегда замечают современники, делающие значимый жизненный выбор, другие представители образованного слоя, мнение которых необходимо учитывать, а также ведущие профессора философии, представляющие академический мир. Но, так или иначе, идеи великих философов постепенно пробивали себе дорогу.

Каких же философов сам Ясперс именуется великими и как он распределяет их по группам, исходя из предложенных им критериев? Это – (1) мыслители, задающие меру постижения бытия (Сократ, Будда, Конфуций, Иисус); (2) группа основателей философии, в т.ч. (2.1) мыслители, порождающие новые идеи (Платон, Августин, Кант); (2.2) философы, мыслящие из истоков метафизики (Анаксимандр, Гераклит, Парменид, Плотин, Николай Кузанец, Спиноза, Лао-цзы, Нагарджуна), «конструктивные умы» (Гоббс, Лейбниц, Фихте), «носители мирского благочестия» (Ксенофан, Эмпедокл, Анаксагор, Демокрит); (2.3) «гностические очевидцы истины» (Ориген, Бёме, Шеллинг); (2.4) «великие расшатыватели» и «будители» (Абеляр, Декарт, Юм, Паскаль, Лессинг, Киркегор, Ницше); (2.5) мыслители, творчески упорядочивающие философию (Аристотель, Фома Аквинский, Гегель, Шанхара, Чжу Си); (3) мыслители, работающие в пространстве поэзии и литературы (Данте, Шекспир, Гёте, Достоевский и др.), политические мыслители (Макиавелли, Мор, Локк, Монтескье, Берк, Токвиль), философы-правители (Марк

Аврелий, Фридрих Великий и др.), ученые (Кеплер, Эйнштейн, Ранке, М. Вебер и др.), скептики (Монтень), гуманисты (Цицерон, Эразм, Вольтер, Гердер, Шиллер, Гумбольдт), критики (Бэкон, Бейль, Шопенгауэр, Гейне), сторонники не критической утопии (Руссо, Маркс), выразители житейской мудрости (Эпиктет, Бозций), богословы (Мо-цзы, Мэн-цзы, Мальбранш, Беркли и др.), деятели образования (Вико, Гаманн и др.) и преподавания философии (Прокл, Вольф, Эрдманн и др.) [9, 35-38].

Я не берусь предлагать собственную классификацию великих философов, но предложенная Ясперсом схема вызывает у меня сомнения, поскольку отсутствуют единые основания деления. Так, в одну группу попадают философы, общественные и религиозные деятели, писатели и поэты. Это слишком расширительная трактовка философии. Если последняя, по словам Ясперса, отделяет себя от мифа, образной формы (искусства и поэзии), музыки и ритма, и хочет быть больше, чем наука, то ей необходимо иметь своё место в системе гуманитарного знания.

По-видимому, соблазн прибегнуть к конструированию величия слишком заманчив. Не избежал этой участи и К. Ясперс, использующий в своей классификации великих философов социальные конструкты типа «новаторы», «конструктивные умы», «очевидцы истины», «расшатыватели», «будители», «критики» и т.д. Однако в его схеме не нашлось места для философской интуиции, которая, по словам Бердяева, приобщает философа к стихии гениальности. К тому же очевидно, что один и тот же философ может располагать разными атрибутами (например, быть новатором и критиком в одном лице).

На мой взгляд, классификация К. Ясперса является примером влияния социального конструктивизма, который проник в философию значительно раньше, чем появилось соответствующее течение в социальной теории, связанное с именами П. Бергера и Т. Лукмана. Конструкт же величия есть, на мой взгляд, порождение мысли и интеллектуальное изобретение конкретного исследователя, который произвольно и в соответствии со своими ценностными предпочтениями назначает «великими» тех или иных представителей философии.

Предметная идентификация величия философов и казус конструктивизма. У каждого философа имеется *предметный инте-*

рес к своим исследованиям. Поэтому надо определиться для начала с пониманием предметной сферы деятельности философии, в которую нередко включаются элементы социального конструирования, ориентированного на искусственную дифференциацию философов по кластерам (совокупностям, обладающим сходными характеристиками). Такой подход близок к технологиям социальной сегрегации и противоречит самой сути философии и духу философского сообщества, в котором каждый мыслитель или исследователь по-своему уникален и самобытен, что препятствует его унификации как представителя определённого кластера. Даже внутри группы единомышленников или философской школы индивидуальные особенности философа и его манера философствовать делают его творческой индивидуальностью.

Кроме того, с точки зрения конструктивистов, философия — это то, чем занимаются философы. В этом состоит основной казус конструктивистов: приписывать вымышленным ими феноменам статус реальности. И здесь требуется уточнение. Философия есть не просто свободное занятие, а деятельность (точнее — разновидность профессиональной деятельности), которую осуществляют специально подготовленные люди, способные рационально мыслить тотальность бытия посредством интуиции и при помощи особых подходов (диалектика и метафизика, идеализм и материализм, аналитика и герменевтика и пр.). Кроме того, философию, как и любую профессию, сложно сконструировать, чтобы слыть философом. Её нельзя освоить самостоятельно, изучая лишь философские тексты. Чтобы стать философом, нужно научиться философствованию, что без общения с себе подобными и находясь вне сообщества сделать практически невозможно. Философы-самоучки — такой же нонсенс, как и врач без медицинской практики. Практика же философа — это его непрерывное (непрекращающееся) философствование вместе с другими и повседневное участие в философском дискурсе.

Ведь, как известно, философствовать могут многие, в т.ч. поэты и писатели, священники и теологи, но быть философом означает не только посвятить всю свою жизнь служению великим идеям и раскрытию тайн бытия во всей его целокупности, но и совершить скачок в развитии мировоззрения окружающих людей. Поэтому философия является *общим* (и в какой-то мере со-

борным) *делом* для тех, кто не просто любит мудрость во всех её проявлениях, но и ежедневно осуществляет постижение бытия, беря на себя заботу о нём и неся за него бремя ответственности.

Именно об этом писал Н.А. Бердяев, отмечая, что общеобязательность философии – не логическая проблема, а проблема духовного общения, проблема соборности как собранности духа [2, 272], и что «мы поставлены перед проблемой бытия и существования» [1, 447]. В этом смысле философия для нас – это не только работа (служебный долг), но и ответственное служение общему делу, а также свободная и творческая самореализация. Таково профессиональное и жизненное предназначение каждого философа.

Великий же философ делает философию не просто призванием или делом своей жизни, а значимым событием всего общества, изменяя образ мышления многих поколений людей. Он влияет на мировоззрение целой эпохи, а его идеи проходят через многочисленные поколенческие цепочки (передаются от поколения к поколению мыслителей) и не утрачивают своей актуальности в наши дни. И благодаря ему и таким, как он, философия сохраняет свою жизнеспособность и востребованность в обществе, привлекая к себе внимание не только подготовленных людей, но и всех заинтересованных лиц. Не случайно поэтому на протяжении тысячелетий она продолжает развиваться как профессия, сфера духовно-интеллектуальной деятельности, знание, интегрированное в идеологию, и рефлексивная практика.

Таким образом, быть великим философом означает создавать собственный мир идей («созвездия» категорий и понятий), совершая тем самым революционный переворот в мировоззрении людей данной эпохи и побуждая их идентифицировать себя с той или иной культурой. Чтобы войти в историю философии, нужно предложить новое понимание всеобщности бытия и изменить не только представления о мире, но и многие составляющие философии, в т.ч. её логическую структуру и лингвистическую систему («язык философии»).

Но, оценивая степень величия философов, важно не попасть под влияние социального конструктивизма, наделяющего их вымышленными или конвенционально принятыми характеристиками, которые не имеют прямого отношения к объективному ходу развития и революционным изменениям в самой философии.

Философы России: путь от величия к аутентичности

А теперь рассмотрим вопрос о признаках или слагаемых величия российских философов и их идейно-теоретическом вкладе как в мировую философскую мысль, так и в духовное производство своего общества, которое есть, прежде всего, производство идей.

Быть великим философом в России – это значит воплощать в себе русскую идею. Считается, что русских философов и русскую философию в целом отличают такие черты, как сердечность и нравственная устремленность, антропологичность и религиозность, историософичность [3, 12-18]. Я бы добавил сюда вселенскость или космичность и социальную обеспокоенность («тягу к правдоискательству»).

Но главное в отечественной философии – поиск и обоснование русской идеи, содержание которой раскрывалось через спасение человека и преображение мира. Это идея «всеобщего спасения» (А.В. Гулыга) или «спасения человечества в масштабе всей мировой политики» (В. Шуберт). Именно в этом состоял «русский путь». Но, чтобы спасти человека и человечество, их надо сначала оправдать (феномен антроподицеи).

Следовательно, у великих философов России имелась своя особая миссия. Им недостаточно знать западные или восточные традиции в философии. Они обязаны были внести свой весомый вклад в разработку русской идеи. А это означало, что нужно было ответить на самый важный вопрос: как всечеловеческое связано с национальным, вселенское – с «родным» и «нашим» [3, 17]. Русская философия, по мнению А.В. Гулыги, антропокосмологична. Она всегда ставила вопрос о природе человека и его месте во Вселенной [5, 69]. Это попытка соединить Логос, с одной стороны, Антропос и Космос, с другой.

И всё это можно было сделать, если воспринимать Россию как родной дом (местобытие), в котором людей связывают узы родства и духовного братства [3, 274]. Так появляется ещё одно измерение русской философии – Экос (от др.-греч. οἶκος – жилище, дом, местопребывание). И перед нами разворачивается идея эоантропокосмологии или эокосмоантропологии, составляющая концептуальное ядро философской мысли в России. Напротив, утрата философом интереса к русской идее и кон-

центрация внимания на одном из указанных измерений (например, на Логосе) ставит под вопрос существование самобытной русской (российской) философии.

Философы России между «Сциллой» (властью) и «Харибдой» («мировым признанием»). Можно предположить, что «мода» на философию в России приходила и уходила в зависимости, с одной стороны, от политико-идеологической конъюнктуры, сложившейся во властных кругах в тот или иной исторический период, а с другой, от повестки дня мировой (преимущественно западной) философии. Каждый философ проходил (и проходит) испытания, оказываясь перед выбором между институциональной поддержкой государства и признанием научного сообщества.

Поэтому, во-первых, в отечественной философии по отношению к государству складывалось своеобразное разделение труда: часть философов поступала на государственную службу и адаптировала свои идеи под идеологические запросы правящей в нём корпорации («политической верхушки» государства), что и позволяло ей занимать ведущие позиции в официальной части философского сообщества («официальная» философия), а другая, значительно меньшая часть, дистанцировалась от власти и продолжала служить своим идеалам («неофициальная», «альтернативная», «нелегальная» и прочая философия), хотя и влияя в какой-то мере на содержание философского дискурса в стране и мире, но всё же пребывая на периферии философского истеблишмента.

Разумеется, при таком подходе идейные предпочтения отступают на второй план. Например, так называемые «почвенники» («славянофилы») и «западники», «либералы» и «консерваторы» встречаются как среди официальных, так и неофициальных философов. Кроме того, как те, так и другие могли работать в государственных учреждениях, открыто декларируя или, напротив, скрывая свою политическую позицию.

А, во-вторых, нельзя не отметить *идейную зависимость отечественной философии от западной* (прежде всего, западноевропейской), в русле которой она в целом сформировалась. В.В. Варава называет данную ситуацию «диктатом европоцентристского канона в русской философии», согласно которому философия рождается и развивается исключительно на Западе и ему мы обязаны своим приобщением к философствованию [3, 19].

По мнению одного из сторонников западного канона Г.Г. Шпета, русская философия не способна на самостоятельное творчество, так как она впитала в себя традицию невежества («невегласия»). Поэтому она должна учиться у западной философии (см. [10]). С этим непосредственно связывают вторичный характер русской философии, на что указывает, например, происхождение в России некоторых философских школ и течений (неокантианство, неогегельянство, позитивизм, феноменология и пр.).

Именно последние составляют идейно-теоретический остов академической философии в России, которая отличалась заимствованным характером и копированием западного опыта философствования. Этим же объясняется «европейничанье» (Н. Данилевский) и другие случаи бездумного перенесения западных идей на русскую почву. Самостоятельная же философская мысль чаще всего не воспринималась или слабо воспринималась современниками, проявляясь нередко в виде оригинальных учений или в жанре философской публицистики.

Сформулирую теперь первый парадокс, которую мне предстоит раскрыть в ходе дальнейшего анализа. Можно предположить, что поскольку философия в России, будучи политически ангажированной действующей государственной властью и идейно зависимой от западной философии, оказывает опосредованное (опять же через государственные каналы и институты) и непосредственное (через сетевые структуры и книжные издательства) воздействие на общественное сознание, то степень «величия» самих философов определяется, в первую очередь, тем, удалось ли им создать собственную (самобытную) философскую систему и продвинуть её вместе со своими последователями (чаще всего вопреки ограничениям, налагаемым властью) в сферу духовного производства своего общества (прежде всего, идеологию, образование и воспитание), а вместе с тем — не искать признания на Западе, а найти своё место в мировом философском процессе.

Так что граница между «официальной» и «неофициальной» философией также условна. Этим в значительной мере объясняется тот факт, что большинство образованных людей говорит, как правило, на «языке» той философии, которая им официально спускается сверху (университетские курсы, философские жур-

налы и книги), а не проникает где-нибудь «со стороны» или «снизу» по неформальным каналам общения (самиздат, запрещённые кружки и пр.). А значит, философам, чтобы добиться общественного признания, приходится использовать главным образом официальные (чаще всего контролируемые государством) источники и ресурсы духовного производства. Неофициальным же философам гораздо важнее соотносить свои идеи с философским дискурсом, развивающимся главным образом на Западе, чтобы получить признание в мировом сообществе. Как первый, так и второй путь недостаточен, чтобы российская философия стала самобытной и суверенной.

Именно такая «двойственная» система координат приводила (и приводит) отечественных философов к парадоксальной ситуации: «великими» (или, по крайней мере, выдающимися) на официальном уровне чаще всего «объявлялись» те философы, которые открыто сотрудничали с властью, беря на себя её идеологическое сопровождение и используя государственные ресурсы, а на неофициальном уровне — те, кто вопреки идейным предпочтениям и регулирующим правилам самой власти продвигали свои идеи на Западе, а не в общественном сознании своей страны, приобретая тем самым известность в «мировом» философском пространстве. А это значит, что величие философов в России, как, впрочем, и зарубежных философов, выступает в значительной мере идеологическим или социальным конструктом, который соответствует интересам наиболее влиятельных групп в государстве («идеократия») или определённой части мирового (преимущественно западного) научного сообщества («наукокрратия»).

Последний случай позволяет объяснить популярность в определённых философских кругах таких мыслителей, как М.М. Бахтин, который больше известен за рубежом, чем у нас. Не случайно поэтому Бахтинский центр создан впервые в Англии, а первое собрание сочинений Бахтина вышло в Японии. Так что публичная известность многих известных российских философов не в последнюю очередь зависела и продолжает зависеть от политического и символического капитала, которым располагают их сторонники и союзники, как в самой стране, так и за рубежом. Мы всё ещё живём во времена, когда «великих» фило-

софов назначают либо представители наукокрации (наиболее влиятельные научные центры Запада), либо идеократы собственного государства. Такое величие зачастую становится предметом торга и соглашения между субъектами, влияющими на развитие философии.

Но всё же вернусь к рассмотрению некоторых субъективно-объективных показателей величия российских философов. На разных этапах истории отечественной философии становились известными и популярными те или иные мыслители, но назвать их великими можно лишь с определённой долей условности. Ограничусь лишь кратким обзором основных философских фигур России в XIX-XX вв., используя разные источники, в т.ч. работы самих философов (см., например, [8]).

Русские философы XIX в. — начала XX в. Приближение к величю. Поскольку философия, как и мировая наука, не может развиваться длительное время в закрытом пространстве или находиться в изоляции, то сложно игнорировать тот факт, что отечественные философы не только испытали на себе влияние зарубежных мыслителей, но и сами принимали активное участие в общепhilosophическом дискурсе. В историко-philosophическом процессе России XIX в. — начала XX в. я отвожу важное место тем направлениям (линиям) философской мысли, которые свидетельствуют об идейной трансформации, преемственности и самобытности русских мыслителей.

При этом каждая линия исследовательского поиска имеет дело с определённой конструкцией всеобщности, которую можно условно характеризовать как предельные основания познания системы «Человек — Мир» и выразить при помощи известных философских категорий: «Бытие и Небытие (Ничто)», «Материя и Дух (Сознание)», «Пространство и Время», «Свобода и Необходимость», «Действительность и Возможность», и т.д.

1. Линия следования лучшим философским традициям Западной Европы: сосуществование объективизма и субъективизма. Разумеется, рассматривая русскую философию XIX в., нельзя игнорировать её идейно-теоретическую близость к западноевропейской философии, которая проявлялась не только в следовании уже сложившимся в Западной Европе исследовательским традициям и их адаптации к собственным реалиям, но и в спорах с западны-

ми мыслителями. Как бы там ни было, отечественные философы поднимали западную проблематику и старались находиться в курсе господствующих в Европе философских дискуссий.

Этим отличаются в первую очередь сторонники *материализма и марксизма*, в т.ч. его «легальной» версии (Н.Г. Чернышевский, Г.В. Плеханов, С.Н. Булгаков, М.Н. Покровский, А.А. Богданов-Малиновский, П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский и др.), теоретики *анархизма* (М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин), *позитивисты* (П.Л. Лавров, Е.В. де Роберти, В.В. Лесевич, Н.К. Михайловский, К.Д. Кавелин, Н.И. Кареев и др.), *неокантианцы* (А.И. Введенский, И.И. Лапшин, С.И. Гессен, Г.Д. Гурвич, Ф.А. Степун и др.), *шеллингианцы* (Д.М. Велланский, Н.В. Станкевич, В.Ф. Одолевский, А.И. Галич и др.), *фихтеанцы* (И.Б. Шад и др.), *гегельянцы и неогегельянцы* (С.С. Гогоцкий, И.А. Ильин, Б.Н. Чичерин, Н.Г. Дебольский и др.), *интуитивисты и идеал-реалисты* (Н.О. Лосский, С.Л. Франк, А.В. Лосев, С.А. Левитский, В.А. Кожевников и др.), *трансцендентально-логические идеалисты и русские феноменологи* (В.Ф. Эрн, С.И. Гессен, Г.Г. Шпет и др.), *персоналисты и экзистенциалисты* (Н.А. Бердяев, Л. Шестов, А.А. Козлов, Л.М. Лопатин, Н.В. Бугаев и др.).

Как видно, некоторые философы в разное время принадлежали к разным течениям философской мысли: С.Н. Булгаков (легальный марксизм и православная метафизика), Н.А. Бердяев (марксизм, экзистенциализм и персонализм). В этом заключаются сложности в создании строгих критериев отнесения философа к тому или иному идейному направлению.

На данном этапе можно обнаружить те или иные противоречия в понимании отечественными философами системной связки «Человек и Мир», в т.ч. противоречия между материализмом (марксизм, анархизм и пр.) или идеализмом (трансцендентализм, позитивизм, экзистенциализм и пр.).

2. *Линия становления «аутентичной» философской мысли: споры «славянофилов» («почвенников») и «западников», «революционеров» и «консерваторов».* Начало «самостоятельной» философской мысли в России обычно связывают с именами «западников» (П.Я. Чаадаев, Н.В. Станкевич, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин и др.), «почвенников», «славянофилов» и «консерваторов» (Д.А. Валуев, К.С. и И.С. Аксаковы, И.В. Киреевс-

кий, А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин, Н.Я. Данилевский, А.А. Григорьев, Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев, Ф.М. Достоевский и др.), которые прекрасно ориентировались в западной философии (например, И.В. Киреевский первоначально занимался философией Шеллинга, а Хомяков – философией Гегеля). При этом они опирались не только на труды западных мыслителей, но и на сочинения отечественных ученых и даже отцов христианской церкви. Именно противоречия между ними («славянофилами» или «почвенниками» и «западниками») определяет развитие данной линии развития русской философии.

Внутри данного направления успешно развивались литературно-философские учения Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Их философские размышления заслуживают отдельного анализа.

3. Линия создания «интегральных» философских учений и проектов. Победа философско-религиозного интегрализма. Главный вектор и в какой-то мере итог развития русской философии XIX в. – начала XX в. – это формирование религиозно-идеалистического (христианского) направления в противоборстве с другими идейными течениями, прежде всего, с материализмом. При этом я не умаляю значение других философских течений.

Анализируя данную линию, в первую очередь хочется выделить таких самобытных русских философов и создателей проекта христианской философии, как Н.Ф. Фёдорова (1829-1903), которого относят также к основателям русского космизма, а также В.С. Соловьёва (1853-1900), разработавшего оригинальную антропоцентрическую философию на основе религиозно-идеалистических посылок. Именно они, как принято считать, стояли у истоков возникновения школы *русской религиозной философии*, к которой примкнули, хотя и каждый по-своему, С.Е. и Е.Н. Трубецкие, отец Павел Флоренский, отец Сергей Булгаков, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, Л.П. Карсавин, С.Л. Франк и др. В то же время Бердяев и Карсавин были близки к такому направлению отечественной философии, как персонализм и философия свободы, которые можно условно отнести к философскому индивидуализму, противостоящему философско-религиозному интегрализму (русская христианская и православная философия, русский космизм, евразийство и пр.).

Но кого из указанных выше русских философов следует считать великим? По словам современного историка русской философии М.А. Маслина, самыми известными русскими философами на Западе были в то время В.С. Соловьёв и Н.А. Бердяев. Их знали и читали на разных языках. Но значит ли это, что они являются великими?

Не знаю, как Н.А. Бердяев, но думаю, что Н.Ф. Фёдоров и В.С. Соловьёв обладают всеми признаками величия, поскольку они оказали огромное влияние на состояние умов российской интеллигенции в XIX в. — начале XX в., заложили по общему признанию основы русской религиозной философии и предложили путь в постижение будущего человечества. Это — философы-новаторы, выразившие дух своей эпохи и определившие во многом метафизические контуры грядущего мира. Именно их я и считаю достойными носить звание «великий русский философ». Причём величие Н.Ф. Фёдорова, у которого, как известно, значительно меньше изданных трудов, чем у В.С. Соловьёва, заключается ещё и в том, что он являл собой образец христианского философствования, подкрепляемого личным опытом благочестия и усердного служения людям.

Удостоверяют ли философские идеи и практики, осуществляемые Фёдоровым и Соловьёвым, требованиям моей гипотезы («продвижение идей в духовное производство общества вопреки ограничениям, налагаемым властью»)? Скорее да, чем нет, хотя Н.Ф. Фёдоров в отличие от Соловьёва, который считал себя его учеником, не обладал столь же изящным, как у последнего, философским языком. Ведь они оба привнесли нравственное измерение в русскую философию, поставив вопрос: «почему живое умирает и как сделать так, чтобы его воскресить?». Поэтому многие современники Фёдорова его глубоко уважали и даже именовали «московским Сократом». Да, он не был университетским профессором философии и долгое время (свыше 25 лет) занимал скромную должность библиотекаря, ведя аскетический образ жизни. Библиотека стала для него философским храмом. Несмотря на бытовые трудности, именно в библиотеке Фёдоров создал своё учение о всеобщем воскресении и братской любви, обосновав вместе тем возможности расселения человечества в Космосе. Именно с его именем я связываю будущие космические завоевания России.

Высокую оценку философии Н.Ф. Фёдорова дали многие современники, в т.ч. В.А. Кожевников и Н.А. Бердяев (см. статью «Религия воскрешения»: «Философия общего дела» Н.Ф. Фёдорова»). Кожевников называл его мудрецом и праведником. По его словам, Фёдоров был одним из немногих людей, на которых держится мир. Вместе с тем он отмечает его возвышенный ум, обширные знания, необычайную добросовестность, нравственную чистоту. В свою очередь Н.А. Бердяев писал: «Николай Федорович Фёдоров — гениальный самородок, оригинал и чудак». «Это характерно русский человек, русский искатель всеобщего спасения, знающий способ спасти весь мир и всех людей» (см. прим. 2).

Что же позволяет мне считать философа-библиотекаря мыслителем, обладающим признаками величия? Именно великим философом, а не гениальным самородком и чудаком, как у Бердяева, или мудрецом «изумительным» и «скромным», как называл его в своё время К.Э. Циолковский. Повторяю, прежде всего, то, что он стоял у истоков христианской философии и предложил оригинальную концепцию воскресения и вечной жизни, совершив вместе с тем поворот мышления современников и потомков в обосновании возможностей расселения человечества в Космосе.

В свою очередь В.С. Соловьёва по праву считают одним из основателей (наряду с Н.Ф. Фёдоровым и др.) христианской философии в России. Вначале он преподаёт философию в Московском и Санкт-Петербургском университетах, а после того, как ему запретили читать лекции, продолжает заниматься философией, разрабатывая концепции «всеединства», «соборности», «Софии», «Вселенской церкви». Нет необходимости далее описывать его биографию и вклад в развитие русской философии. Об этом лучше всего написали историки русской философии. Могут лишь добавить, что Соловьёва иногда называют «русским Платоном», хотя подобные сравнения, наверное, не совсем уместны. Но его учение о всеединстве и Софии, как и учение об общем деле Н.Ф. Фёдорова, стало, безусловно, одним из важнейших вкладов русской мысли в мировую философию и духовное производство России. Именно поэтому Фёдорова, как и В.С. Соловьёва, следует отнести к философам России, обладающим всеми признаками величия.

Можно сказать, что в символическом смысле это наши «Сократ» и «Платон» XIX в. Так, например, отталкиваясь от пред-

ставлений М.Н. Громова и В.В. Варавы о типах философствования, сложившихся в античное время [3, 42–43], можно предположить, что Н.Ф. Фёдоров воплотил в своём творчестве метод Сократа, явивший собой этику поступка или деятельную, практическую философию, что выразилось у русского мыслителя в философии «общего дела», а В.С. Соловьёв стал продолжателем философской традиции Платона, осуществившего в своих исследованиях литературно-философский синтез («метафизика всеединства»). Об этом свидетельствуют его труды «Оправдание добра», «Кризис западной философии (против позитивистов)», «Речи в память Достоевского» и др. Но кто из русских философов продолжил линию Аристотеля, для меня остаётся открытым вопросом. Возможно, он является третьим великим философом России. А, может быть, линия Аристотеля и его метод логического анализа не нашли своих сторонников в русской философии. Здесь я оставляю место для интриги. Пусть мои читатели попытаются самостоятельно реконструировать и установить эту философскую фигуру, если, конечно, она существует.

Отдельно следует отнести к «интегральной» линии развития отечественной философии XIX в. — первой четверти XX в. такие оригинальные и широко известные учения, сложившиеся главным образом на почве православия, как *русский космизм* (Н.Ф. Фёдоров, Н.А. Умов, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский и др.) и *евразийство* (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, Г.В. Флоровский, Н.Н. Алексеев, Л.П. Карсавин и др.), которые стремились примирить в своих концепциях материализм и идеализм [4].

Таким образом, интегральное направление в русской философии выражает «нравственное переживание большого бытия в России» [3, 42–43]. Благодаря таким оригинальным и самобытным философским проектам, как славянофильство (в дальнейшем — евразийство), христианская философия и русский космизм, стало возможным выдвижение таких философских фигур, как Н.Ф. Фёдоров и В.С. Соловьёв. И я могу допустить, что именно им удалось наиболее полно выразить русскую идею и осуществить синтез Логоса, Антропоса и Космоса, что сделало их по-настоящему великими. Никто до них или после них уже не смог это сделать. И пусть мои коллеги не согласятся с подоб-

ным утверждением, упрекая меня в конструктивизме другого рода, но факт их величия трудно отрицать.

В период 1900-1917 гг., который совпадает отчасти с Серебряным веком и иногда называется религиозно-философским Ренессансом, путь Н.Ф. Фёдорова и В.С. Соловьёва продолжили В.В. Розанов (1859-1919), П.А. Флоренский (1882-1937), С.Л. Франк (1877-1950), Л.П. Карсавин (1882-1952), С.Н. Булгаков (1871-1944), И.И. Ильин (1883-1954), Н.А. Бердяев (1874-1948), Л. Шестов (1866-1938) и другие яркие философские фигуры. Это было время расцвета плюрализма в философских исследованиях. Наряду с религиозной философией развивались *позитивизм* (Г.Н. Вырубов, В.В. Лесевич, Н.К. Михайловский и др.), *трансцендентальный идеализм* и *неокантианство* (Ф.А. Степун, В.Э. Сеземан, Б.В. Яковенко, Г.Э. Ланц, В.А. Савальский, Г.Г. Шпет, и др.), *экзистенциализм*, *персонализм* и *трансперсонализм* (Н.А. Бердяев, Л. Шестов, Г.Д. Гурвич), *русский космизм* (К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский), *русская феноменология* (Г.Г. Шпет, А.Ф. Лосев и др.), *марксизм* (Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, Н.И. Бухарин, М.Н. Покровский, А.А. Богданов и др.), *легальный марксизм* (П.Б. Струве и М.И. Туган-Барановский). При этом ни одно из философских течений того времени не могло претендовать на пальму первенства, а их представители — на звание «великий философ».

Начиная с 1917 г., ситуация в отечественной философии радикально меняется. На смену религиозно-нравственным философам приходят сначала философы-революционеры (ниспровергатели «старых» истин), а затем философы-идеологи (апологеты идеологии), величие которых становится уже предметом идеологического конструирования. И вместо русской идеи приходят идеи социализма без границ или социализма в отдельно взятой стране, которая уподоблялась гигантской строительной площадке.

А «проклятые вопросы» и тема переживания человеком своего места в мире перестали волновать в то время большинство наших соотечественников. Отрицая Бога, советские философы отринули и самого Человека как носителя божественного света или божьей искры, превратив его в «строителя коммунизма» и «всесторонне развитую личность». Как это совмещалось с реальной социальной и политической практикой — это уже отдельный вопрос.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Дух и реальность. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – 679 с.
2. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – 608 с.
3. Варавва В.В. Сокровенное и обжигающее. Лекции по истории русской философии. – СПб.: РХГА; Солнце Севера, 2025. – 276 с.
4. Вахитов Р.Р. Евразийство: Логос. Эйдос. Символ. Миф. – СПб.: Владимир даль, 2023. – 239 с.
5. Гулыга А.В. Творцы русской идеи. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 336 с.
6. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения (фрагменты из книги) // Вопросы социальной теории. 2007. Том 1. Вып. 1. – М., 2007. – С. 13-36.
7. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1275 с.
8. Лосский Н.О. История русской философии. – М.: Советский писатель, 1991. – 480 с.
9. Ясперс К. Великие философы. Кн. 1. Задающие меру люди. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2018. – 304 с.
10. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. I. – М.: РОССПЭН, 2008. – 592 с.

Примечания

1. Резник Ю.М. России нужно много философий (послесловие к дискуссии) / Ю.М. Резник // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. 9. Вып. 2 (36). С. 122-130; Резник Ю.М. Что значит быть философом в России? // Философия и культура. – 2015. – № 10 (94). – С. 1567-1578; Резник Ю.М. Миссия философа в современном мире // Личность. Культура. Общество. – 2016. – Т. 18. – Вып. 1-2 (№№ 89-90). – С. 9-12; Современная отечественная философия: люди, системы идей и институты / Ю.М. Резник, С.С. Аванесов, А.М. Бекарев, Ф.И. Гиренок и др. // Личность. Культура. Общество. – 2017. – Т. 19. – Вып. 3-4 (№№ 95-96). – С. 131-198; Философские коммуникации в современной России: круг общения и востребованность философа / Ю.М. Резник, О.В. Овчинников, А.Г. Деменев, Л.А. Жгилева, Е.А. Тюгашев, А.А. Дрегалю, К.В. Фомин, И.М. Зашихина, О.Н. Шадрин, П.В. Шубина // Личность. Культура. Общество. – 2019. – Т. 21. – Вып. 3-4 (№№ 103-104). – С. 223-235; Резник Ю.М. Образы философов в современном кинематографе: от реального к желаемому // Вестник РФО. 2022. Вып. 1-2 (99-100). – С. 6-16; Резник Ю.М. Философская элита в современной России: на пути к консолидации // Вестник РФО. 2023. Вып. 1-2. – М., 2023. – С. 5-47; Резник Ю.М. Отечественная философия в поисках ответов на цивилизационные вызовы России // Научный альманах «Вопросы социальной теории». 2022. Т. 14. – М., 2023. – С. 278-285; Резник Ю.М. Должна ли философия служить государству? // Вестник РФО. 2022. Вып. 3-4. – М., 2023. – С. 6-42; Резник Ю.М. Демократизация малых философских коллективов в современной России: от субординации к самоорганизации (экофилософский взгляд) // Вестник РФО. 2024. Вып. 3-4. – С. 6-38; 2025. Вып. 1-2. – С. 6-51.
2. Бердяев Н.А. Религия воскрешения // Википедия – URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D1%8F_%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BA%D1%80%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_\(%D0%91%D0%B5%D1%80%D0%B4%D1%8F%D0%B5%D0%B2\)](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D1%8F_%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%BA%D1%80%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_(%D0%91%D0%B5%D1%80%D0%B4%D1%8F%D0%B5%D0%B2)) (дата обращения: 12.09.25).

Yu.M. Reznik

IS THE TIME OF THE GREAT PHILOSOPHERS IN RUSSIA OVER? TOWARDS THE PROBLEM STATEMENT

Reznik Yuri Mikhailovich – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Fellow at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, First Vice President of the Russian Philosophical Society (Moscow). E-mail: reznik-um@mail.ru

***Abstract:** In this article, the author does not attempt to conduct a comprehensive analysis of the greatness of all philosophers worldwide, nor to propose and substantiate his own classification of great Russian philosophers. His goal is much more modest: to pose a problem and outline solutions. The subject of this study is some of the characteristics and potential manifestations of greatness in certain Russian philosophers. Drawing on the framework proposed by Karl Jaspers, the author proposes to clarify the subject field of philosophy in order to more clearly formulate the criteria for the greatness of philosophers themselves. At the same time, he warns of the danger of falling prey to social constructivism, which proposes the artificial division of philosophers into clusters.*

The author examines the prerequisites for greatness (a revolution in worldview, the development of intellectual networks, the presence of a comprehensive philosophical system that claims universality, the scale of philosophical problems addressed, and personal achievements, etc.) and offers his vision of subjective criteria for assessing the greatness of Russian philosophers. He charts the ideological transformations of Russian philosophers, situating them within certain periods in the history of philosophy in Russia and highlighting those figures who, in his view, approach greatness or, conversely, whose greatness is a figment of the imagination of ideologists and social constructivists.

Turning to philosophers in contemporary Russia, the author demonstrates that in our time, the question of greatness is not on the agenda. Far more important, in his view, is being an authentic (real) philosopher and maintaining faith in humanistic ideals and values, while attempting to prevent philosophy from transforming into yet another version of totalitarian ideology. The author then highlights those contemporary philosophers with whom he was personally acquainted and who influenced

not only him but also the subsequent development of Russian philosophy. The conclusion formulates the key points of the article.

Keywords: *phenomenon of greatness, great philosopher, criteria of greatness, generational chains of philosophers, social constructivism, clusters of philosophers, philosophy of Russia, Russian, Soviet and Russian philosopher, lines of ideological transformation and continuity of philosophers of Russia, spiritual production of Russian society, dependence of a philosopher on power, ideological dependence of Russian philosophy, religious (Christian) orthodoxy, ideological orthodoxy, ideological polyphony, authenticity, authentic (real) philosopher.*

REFERENCES

1. Berdyayev N.A. Dukh i real'nost'. — M.: AST; Khar'kov: Folio, 2006. — 679 s.
2. Berdyayev N.A. Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. — M.: Izd-vo «Pravda», 1989. — 608 s.
3. Varava V.V. Sokrovennoye i obzhigayushcheye. Lektsii po istorii russkoy filosofii. — SPb.: RKHGA; Solntse Severa, 2025. — 276 s.
4. Vakhitov R.R. Yevraziystvo: Logos. Eydos. Simvol. Mif. — SPb.: Vladimir dal', 2023. — 239 s.
5. Gulyga A.V. Tvortsy russkoy idei. — M.: Molodaya gvardiya, 2006. — 336 s.
6. Kollinz R. Sotsiologiya filosofiy: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya (fragmenty iz knigi) // Voprosy sotsial'noy teorii. 2007. Tom 1. Vyp. 1. — M., 2007. — S. 13-36.
7. Kollinz R. Sotsiologiya filosofiy: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya. — Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 2002. — 1275 s.
8. Losskiy N.O. Istoriya russkoy filosofii. — M.: Sovetskiy pisatel', 1991. — 480 s.
9. Yaspers K. Velikiye filosofy. Kn. 1. Zadayushchiye meru lyudi. — M.: Ka-non+ROOI «Reabilitatsiya», 2018. — 304 s.
10. Shpet G.G. Ocherk razvitiya russkoy filosofii. I. — M.: ROSSPEN, 2008. — 592 s.

Поступила в редакцию 19.10.25 г.